

В. А. Томсинов

**Судебники 1497 и 1550 годов
как памятники
юриспруденции
Московского государства**

Опубликовано в издании:

**Проблемы истории государства и права.
Сборник научных трудов
/ Ответственный редактор В. А. Томсинов.
М.: Зерцало-М, 2009. С. 259–287.**

В. А. ТОМСИНОВ

СУДЕБНИКИ 1497 И 1550 ГОДОВ КАК ПАМЯТНИКИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

«Московским государством» в исторической литературе называют Русское государство с центром в Москве, возникшее во второй половине XIII века¹. Данное название часто встречается в памятниках русской письменности XVI–XVII веков. Так, в «Истории о Казанском царстве», датируемой второй половиной XVI – началом XVII века, говорится о державе Московской², о казанцах, покорившихся «Московьскому государству»³. В Уложении о холопстве, принятом 1 февраля 1597 года, говорилось о том, чтобы

---

¹ Ядром Московского государства стало Московское княжество, выделившееся в самостоятельное государственное образование из Владимирского княжества приблизительно в конце 70-х годов XIII века. Родоначальником династии Московских князей являлся Даниил Александрович. В Никоновской летописи он фигурирует в записи, относящейся к «лету 6790» (к 1280 году) как «князь велики Московской Данило Александровичь, внуць Ярославль, правнук Всеволожь, праправнукь Юрья Долгорукаго» (Летописный сборник именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Том X. М., 2000. С. 160). Это самый ранний из обнаруженных мною в русских летописях случай употребления такого титула. Великий князь Московский Даниил Александрович был сыном знаменитого Александра Невского. Именно поэтому в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской Первой летописи, говорится, что «от сего князя Александра пошло великое княжение Московьское» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Том III. М., 2000. С. 468).

² См.: История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Том XIX. М., 2000. Стлб. 3.

³ Там же. Стлб. 226.

«Московского государства всяким людем холопыи имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложенья безсрочно»¹. Приблизительно в 1654 году было создано произведение, посвященное катастрофическим событиям Смуты начала XVII века, в котором термин «Московское государство» использовался уже в самом заглавии — «Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли, како и от чего и откуда начало изыде тех бед и напастей». Словосочетание «Московское государство» неоднократно употребляется в тексте Соборного Уложения 1649 года². Вместе с тем русское государство с центром в Москве часто называется в документах XVI–XVII веков «Московским царством». В сочинении Г. Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича» данный термин используется применительно к государству Ивана IV и его наследников в качестве синонима термина «Московское государство»³. В сочинениях иностранцев о России XVI–XVII веков русское государство часто именуется «Московией»⁴.

С XVI века в русских документах для обозначения русского государства стало применяться словосочетание «Российское царство». Так, в предисловии к Соборному Уложению 1649 года говорилось о том, что «указал государь то все Уложение написать на список, и закрепить тот список святейшему Иосифу, патриарху Московскому и всея Руси... и всему освященному собору... и тор-

---

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 64.

² См., например: предисловие, статьи первую и третью главы шестой, статью первую главы седьмой Соборного Уложения. Седьмая глава данного правового памятника называется «О службе всяких ратных людей Московского государства».

³ См.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подготовка публикации, вводная статья, комментарии и словник профессора Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 22, 24.

⁴ См., например: *Герберштейн С.* Записки о Московии / Перевод с немецкого. М., 1988; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906; *Witsen N.* *Moscovische Reyse.* 1664–1665. *Jurnaal en Aentekeningen.* S-Gravenhage, 1966 (в переводе со староголландского языка на русский: *Витсен Н.* Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. СПб., 1996); *Де ла Невиль.* Записки о Московии / Перевод с французского и комментарии А. С. Лаврова. М., 1996; *Гваньини А.* Описание Московии / Перевод с латинского, вводная статья и комментарий Г. Г. Козловой. М., 1997.

говым и посадыцким людем *Московского государства* и всех городов *Российского царства*» (курсив мой. — В. Т.)¹.

В современной исторической литературе Московское государство часто именуется Русским централизованным государством. Так, по словам С. И. Штамм, «XV — середина XVII в. — период создания и укрепления централизованного Русского государства и единого русского права»². На практике данный процесс выражался прежде всего в формировании общерусского центрального и местного аппарата государственного управления, а также слоя государственных служащих — «государевых дьяков». Одновременно с этим шло становление общерусского права.

Русская Правда к XV веку утратила значение действующего правового сборника³ и превратилась в образец, «которым надлежало руководствоваться в повседневной практике, скорее следуя ее духу, чем букве»⁴. В течение указанного столетия предпринимались попытки приспособить нормы этого правового памятника к новым общественным условиям. В их результате появилась так называемая «Сокращенная Правда», которую историк Н. А. Максимейко считал «Московской редакцией Русской Правды» — последним этапом на пути постепенного приспособления Русской Правды к нуждам судебной практики и ее основательной переработки в духе московского права⁵.

Одним из основных источников права в Московском государстве выступал обычай. По словам В. И. Сергеевича, «и в Москве

¹ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 18.

² Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 5.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916) полагал, что «В Московском государстве уже с XIV в. нет никаких следов действия Русской Правды (кроме одной — 55 статьи судебного 1497 г.)» (*Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 223*).

⁴ *Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 321.* На подобный характер влияния Русской Правды на правовую культуру Московского государства указывал и русский правовед Н. Л. Дювернуа (1836–1906). Он, в частности, писал в своей магистерской диссертации, появившейся на свет в 1869 г., что «можно найти в XV в. такие акты юридической практики (например, завещания), которых значительная часть написана под самым ясным руководством положений Русской Правды» (*Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. СПб., 2004. С. 208*).

⁵ *Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1. Московская редакция Русской Правды (проблемы источниковедения). Сб. 3. М.–Л., 1946. С. 162.* См. об этом также: *Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 90–92.*

обычай продолжает действовать, не только сохраняя то, что прежде сложилось, но и являясь творческой силой, которая созидает вновь нормы права... Еще в XVI в. великие князья московские находят нужным оправдывать свои распоряжения ссылкой на старину. Ясно, что еще нет сознания о том, что воля их, как субъекта верховной власти, творит право»¹.

Вместе с тем в условиях Московского государства дальнейшее развитие получили письменные источники права. В течение XIV–XV веков главную роль среди них играли уставные грамоты наместничьего управления, среди которых наиболее авторитетными были Двинская уставная грамота 1398 года² и Белозерская уставная грамота 1488 года³. Данные грамоты регулировали не только отношения, возникавшие в сфере местного управления и суда, но и некоторые вопросы гражданского и уголовного права.

В 1497 году появился первый общерусский судебник, который по своему объему значительно превосходил любую из уставных грамот. Оригинальный текст этого правового памятника не имел постатейного деления, но при публикации в XIX веке он был разбит на 68 статей. В 1550 году в Московском государстве был принят новый, более обширный, судебник. Его содержание было разбито на 100 статей.

В 1551 году в Москве состоялся церковный собор. Свод его постановлений, созданный в том же году, получил впоследствии⁴ название «Стоглава» — по числу глав, на которые было разделено его содержание⁵. Вплоть до Московского церковного собора Стоглав являлся самым авторитетным в Московии собранием норм церковного права.

---

¹ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 14, 16.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 181–182.

³ См.: там же. С. 192–195.

⁴ Название «Стоглав» впервые появилось в рукописях рассматриваемого памятника, датируемых концом XVI века. Так, рукопись, принадлежавшая Соловецкому монастырю, имела название: «Книга Стоглав Соловецкого монастыря...» (то есть книга, составленная из ста глав). См.: *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 8.

⁵ Это деление на сто глав приводится в самом начале текста данного памятника, после слов: «Сказание главам в настоящей сей книзе» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 253).

В 30-е годы XVI века в числе письменных источников права Московского государства стали появляться губные грамоты. В 3-й Псковской летописи об этом событии говорится следующее: «В лето 7049 (1541 год по летоисчислению от Рождества Христова. — В. Т.)... И князь велики Иоанн Васильевич пожаловаль свою отчину Псковь, дал грамоту судити и пытати и казнити псковичам разбоиников и лихих людеи; и бысть Псковоу радость, а злыа люди разбегошася, и бысть тишина, но на не много, и паки на мѣстницы премогоша, а то было добро велми по всеи земли»¹. Одной из наиболее ранних из дошедших до нас губных грамот является «Губная Белозерская грамота» 1539 года².

Немногим позднее губных грамот стали появляться земские уставные грамоты. Одной из первых среди этого рода источников права была принятая в 1552 году «Уставная Земская грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда»³.

В числе источников права Московского государства можно выделить также документы, получившие название «жалованных грамот», которые закрепляли за теми или иными лицами какие-либо привилегии или иммунитеты. Подобного рода грамоты являлись по своей первоначальной природе актами частного характера. Однако вследствие того, что содержание многих подобных документов было одинаковым, исключения превращались в правила — частные привилегии и иммунитеты становились общесословными.

Появление большого количества новых письменных источников права способствовало дальнейшему развитию юриспруденции, то есть совершенствованию навыков формулирования и толкования правовых норм, приемов и способов организации правового материала. Характеризуя новые условия развития законовещения в русском обществе, сложившиеся в XV–XVI веках, А. Г. Станиславский писал: «При таком состоянии источников права задача законовещцев стала гораздо труднее: частью потому, что материал, подлежащий их изучению, был теперь гораздо обильнее прежнего; частью и в особенности потому, что в практике приходилось часто сличать разнородные постановления законодательной власти как между собою, так и с льготными грамотами и обычаями

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000. С. 229–230.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 213–215.

³ См.: там же. С. 227–234.

местными; частью, наконец, потому, что обнародование законов, состоявшее преимущественно в *прокликании их на торгах*, было весьма недостаточно для доставления знакомства с их содержанием»¹.

Как известно, в древнерусском обществе X–XIII веков основными социальными носителями юридических знаний, а также навыков формулирования и толкования правовых норм, приемов организации правового материала были священники². В условиях Московского государства на эту роль выдвинулись «государевы дьяки» — служащие государственного аппарата.

Термин «дьяк» или «диак» употреблялся в памятниках древнерусской письменности XI–XIII веков в значении, равнозначном значению слова «дьякон», которым, в свою очередь, обозначался церковный служитель. Дьяки-дьяконы сопровождали князей в их государственных делах. Данный вывод можно сделать, например, из текста Ипатьевской летописи, в которой под годом 6656-м от сотворения мира (1148-м от Рождения Христа) имеется следующая запись: «...И пакты рекоша Новгородци: княже ать же поидемъ [в военный поход] и всяка душа аче и *диак* а гоуменце емоу прострижено а не поставленъ бонде а ть Бога молить и тако поидоша Новгородци с Изяславом...» (курсив мой. — *В. Т.*)³. Вместе с тем в окружении древнерусских князей неизменно присутствовали и люди, называвшиеся писцами. Так, при описании событий, произошедших в 6797 году от сотворения мира (в 1289 году по нашему летоисчислению), в Ипатьевской летописи говорится о том, что князь Мстислав Данилович установил на берестян «ловчье»⁴ за их коромолоу, абы мь не позрѣти на нихъ кровь и повелѣ писцю своему писати грамотоу»⁵.

¹ Станиславский А. Г. О ходе законовещения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 22.

² См. об этом: *Томсинов В. А.* Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья вторая // Законодательство. 2003. № 8. С. 89–91.

³ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стлб. 370.

⁴ В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», собранных И. И. Срезневским (т. 2. СПб., 1902. Стлб. 40), «ловчье» определяется в качестве рода налога. Само слово указывает на то, что это была добыча охотников или рыболовов.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Стлб. 932.

В XIV веке для обозначения «писца», состоявшего на службе в великокняжеской администрации, стало употребляться слово «дьяк», обозначавшее прежде священнослужителя. Со времен Ивана Калиты именно дьяки писали княжеские грамоты. На это указывает, в частности, «древнейшая из подлинных духовных грамот Княжеских, нам известных»¹, составленная Иваном Калитой в самом начале его княжения, перед тем, как он отправился к хану Узбеку в Золотую Орду². Завершалась данная грамота следующими словами: «Грамоту писал Дьяк Великокняжеский Кострома, при духовных отцах моих, Священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому Бог судия» (курсив мой. — В. Т.)³. Дьяк Нестор писал духовную грамоту великого князя Дмитрия Иоанновича (Дмитрия Донского).

Социальное положение дьяков было различным. Многие из них принадлежали к категории несвободных людей. Сохранилось немало документов, в которых говорится о предоставлении князьями свободы своим дьякам. Так, великий князь Иоанн Иоаннович (Иван II) объявлял в своей духовной, составленной за год или два до смерти, о том, что он дает волю тем, кто будет его казначеем, тиуном или дьяком⁴. Русский правовед Ф. Л. Морошкин называл русскую юриспруденцию рассматриваемой эпохи «дьяческой». «Дьяк или клерк — сие таинственное, дивное существо в истории законодательств, с успехами единодержавия растет и с течением времени из карла делается великаном»⁵, — отмечал он, восклицая при этом: «Вот начало русской юриспруденции — начало весьма неблистательное: *холопи защищают в суде права своих господ*»⁶.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Издание пятое в трех книгах. Кн. 1. СПб., 1842. Стлб. 150.

² Историк Н. М. Карамзин писал об этом следующее: «Древняя Русская пословица: *близ Царя, близ смерти*, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи Моголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастливы, кто мог возвратиться с милостию Царскою или, по крайней мере, с головою! Так Иоанн Данилович, в начале своего Великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завещание и распорядил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою...» (там же).

³ Цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Стлб. 151.

⁴ См.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 1. СПб., 1893. Стлб. 669.

⁵ Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. III. Февраль. № 8. С. 214.

⁶ Там же.

На самом деле среди дьяков было немало и лично свободных людей. На это обстоятельство обращал внимание, в частности, историк В. И. Сергеевич. По его словам, «на службе князей были и свободные дьяки. Дьяки, отпускаемые на волю, не всегда же уходили от наследников своих прежних господ; как люди уже известные и пользовавшиеся доверием умерших князей, они могли продолжать службу и у их преемников, но в качестве вольноотпущенных. В известиях XV и XVI веков встречаем термин *введенного* дьяка. Так названы Федор Стромиллов, дьяк великого князя Ивана Васильевича, и Василий Щелкалов, дьяк Ивана Грозного. По аналогии с боярами введенными, во введенных дьяках надо видеть вольных людей, введенных во дворец и близость к государю»¹.

Статья первая Судебника 1497 года называет в числе судей также дьяка («судити суд бояром и околничим. А на суде бытии у бояр и околничих диаком»²). При этом в соответствии со статьей третьей Судебника дьяк так же, как и боярин, получает вознаграждение «от рублевого дела на виноватом»: «боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег»³. В. И. Сергеевич высказывал мнение о том, что «великий князь Иван Васильевич и его братья, удельные князья, подмешивали уже дьяков к боярам еще до издания Судебника 1497 года»⁴. В доказательство своего суждения историк приводил выдержки из сохранившихся документов XV века.

В первой половине XVI века роль дьяков в осуществлении правосудия еще более возросла. По словам В. И. Сергеевича, «для описи земель московские князья нередко посылали сына боярского и при нем дьяка. Эти так называемые *писцы* не только описывали земли, но и производили суд по спорам о землевладении, которые возникали при описи. Суд этот творился не только сыном боярским, но и дьяком»⁵. В материалах судебного дела, которое рассматривалось на основании приказа великого князя Василия III в 1511 году, об участии дьяков в судопроизводстве говорилось следующее: «По великого князя слову, Василия Ива-

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. Территория и население. СПб., 1909. С. 561.

² Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. С. 561.

⁵ Там же. С. 562.

новича всея Руси, сий суд судили великаго князя *писцы* белозерские, Иван Микулич Заболоцкий, да *диак*, Андрей Харламов. Став перед *писцы* у деревни у Шюклинские, тягался Лева и пр. ...И *писцы* спросили Левы... И по великаго князя слову... *писцы* белозерские Иван Микуличъ Заболоцкий да *диак*, Андрей Харламов, от-ветчика, старцу Иону, *отправили*, а ищею, Леву Зайцева, *обвинили*»¹.

Участие дьяков в отправлении правосудия было предусмотрено и Судебником 1550 года². Оценивая значение дьяков в данной сфере великокняжеского управления в эпоху судебныхников, Н. Л. Дювернуа отмечал: «Судебник обеспечил за ними влияние на весь процесс, начиная с подготовительных действий (срочные и отписные, на которых основывается бессудная, находятся на их руках и ими подписываются, подпись дьяка требуется и на при-ставных) и до самого судебного решения. Ни суд, ни доклад без дьяков не может быть производим»³.

Об участии дьяков в судопроизводстве свидетельствует также текст Наказного списка постановлений церковного собора 1551 года. В нем, в частности, говорится: «А у бояр в суде седети старостам поповьским и пятидесяцкимъ, и десятцким по недѣлямъ по два и по три, да городцким старостамъ и целовалником, и земьскому дьяку, которымъ царь прикажет. И тѣмъ старостамъ и целовалником, и земьскому дьяку с тѣхъ судныхъ дѣлъ списавати противни слово в слово, да дрѣжати ихъ у себя, а к тѣмъ спискомъ дьяки руки свои прикладываютъ... Да тѣ судные списки дрѣжати у себя дьякомъ в ларце за боярскими печатми по государеву Судебнику, а подьячимъ ихъ не довати, доколе судные списки бояре перед святители положат и обоихъ исцовъ перед ними поставятъ»⁴. Из приведенного отрывка видно, что именно дьякам принадлежала главная роль в судебном делопроизводстве.

С развитием во второй половине XVI века системы приказов роль дьяков в правотворчестве и в судопроизводстве стала ведущей. Историк И. И. Смирнов, исследовавший законодательный

¹ Цит. по: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. С. 562.

² См.: Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 97–120.

³ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. СПб., 2004. С. 339.

⁴ Наказной список постановлений Стоглавого Собора // Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 449.

процесс в Русском государстве середины и второй половины XVI века, пришел к выводу, что «именно приказы, в частности, казначеи, фактически держали в своих руках московское законодательство как в подготовительной стадии — разрабатывая проекты законов (представляемые в виде “докладов” на рассмотрение царя), так и в заключительных этапах законодательного процесса, где именно в руках казначеев находилось формулирование и редактирование текста законов на основе норм царского приговора»¹. Дьяки являлись при этом помощниками казначеев. Именно они были хранителями юридических документов, а значит, и знавший действовавших законов.

Дьяки являлись, по всей видимости, главными составителями судебныхников. Русские летописи не сохранили сколько-нибудь ясных сообщений о том, каким образом и кем создавался Судебник 1497 года. Запись о введении его в действие, содержащаяся в тексте Типографской летописи, явно дефектная. В ней говорится, в частности, что «в лето 7006, фев[раля], князь великий Иванъ Васильевич посадилъ на княженіе вноука своего князя Дмитрія Ивановича. Того же лѣта князь великий Иванъ Васильевич² и околничимъ и всѣм соудьямъ, а уложилъ соудъ судити бояромъ по судебникуо, Володимера Гусева писати»³. После этих слов в оригинале Типографской летописи оставлено пустое место в несколько строк. Сотрудник Археографической комиссии С. П. Розанов, подготовивший оригинальный текст данного письменного памятника к изданию, предполагал, что здесь могла идти речь о том, что «В. Гусев был приставлен дьяком, так как по Судебнику полагалось “на судѣ бытии оу боярь и оу окольничихъ діакомъ”⁴. По мнению историка Л. В. Черепнина, упоминание о Гусеве в приведенной записи стало следствием случайного включения в текст Типографской летописи имевшейся в ее протографе пометы о необходимости записать вслед за словами о введении в действие

¹ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 352.

² Здесь очевидный пропуск: по мнению редактора, после слов «князь великий Иванъ Васильевич» могла идти фраза «суложил с дѣтми своими и с бояры о судѣ, как судити бояромъ».

³ Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000. С. 213. Данное издание является репринтным: оно воспроизводит петроградское издание 1921 года.

⁴ Там же (см.: примечания).

Судебника сообщение о казни Владимира Гусева, которая последовала в декабре 1497 года¹. Данное предположение подтвердил впоследствии историк А. Н. Насонов. Он обнаружил Троицкий летописец № 365, в тексте которого сообщение об аресте Владимира Гусева было отделено от записи о введении в действие рассматриваемого Судебника. О последнем событии здесь говорилось следующее: «Того же лета князь великий Иван Васильевич *придумал з бояры* и уложил суд судити и бояром окольничим, *а у боярина и бытии диаку*. А судити по Судебнику *великого князя*»².

Исследование правых грамот 90-х годов XV века дало Л. В. Черепнину основание для вывода о том, что наиболее вероятными составителями Судебника 1497 года были князь И. Ю. Патрикеев, а также дьяки: Василий Долматов, Василий Жук, Федор Курицын³.

Судебник 1497 года ознаменовал своим появлением начало нового этапа в истории русского права и юриспруденции. Он создавался в качестве юридического сборника для всей Руси. Его содержание было составлено, *с одной стороны*, из материала предшествовавшего законодательства: уставных грамот, Псковской судной грамоты, Русской Правды, *с другой стороны*, из новых норм. С. В. Юшков насчитал в Судебнике 1497 года «40 ст[атей], т. е. около 3/5 всего состава Суд., не стоящих ни в какой связи с дошедшими до нас памятниками»⁴. По его словам, «огромное большинство этих ст[атей] или определяют размер судебных пошлин, или же трактуют о различного рода процессуальных моментах на основе типично Московской судебной практики»⁵. Кроме того, источником Судебника 1497 года стало обычное право русского общества и судебная практика. Очевидно, что создание такого юридического сборника предполагало дальнейшее развитие практических навыков компиляции законодательного материала, способов его группировки, приемов модификации правовых норм, переработки их с целью приспособления к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям. Вместе с тем решение

¹ См. подробнее об этом: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 289–306.

² Цит. по: Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 384.

³ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 303–306.

⁴ Юшков С. В. Судебник 1497 г. // Серафим Владимирович Юшков. М., 1989 (серия «Труды выдающихся юристов»). С. 402.

⁵ Там же. С. 402–403.

данной задачи требовало совершенствования навыков правотворчества, умения формулировать новые правовые нормы. «Судебник был не только простой сводкой старого материала, — отмечал С. В. Юшков, — он был сборником, в котором уже с достаточной определенностью были провозглашены новые правовые принципы в Московском государстве. Конечно, нет кодификации без привнесения новых принципов, новых норм, новых институтов; очень часто бывает, что кодификаторы вливают новое вино в старые меха. Можно привести ряд примеров, когда кодификацией пользуются как предлогом для изменения существовавшей правовой системы. Но в Суд. 1497 г. пожалуй более, чем в другом каком-либо кодексе, проявляются реформирующие и правотворческие стремления законодателя»¹.

Весь текст Судебника 1497 года состоит из преамбулы и тридцати шести нумерованных глав, выделенных в оригинале киншварными заголовками. М. Ф. Владимирский-Буданов при публикации в 1873 году текста Судебника во втором выпуске своей «Христоматии по истории русского права» разделил его на 68 статей². Это деление с тех пор стало традиционным в историко-правовой науке. Уже из одних этих цифр ясно, что данный правовой памятник имел небольшой объем и ни в коей мере не мог охватить правовым регулированием все сферы общественной жизни.

Текст Судебника 1550 года включал в себя сто статей³ и был по своему объему в два с половиной раза больше Судебника 1497 года. Но и в его нормах многие стороны общественной жизни Московской Руси не нашли никакого отражения.

Причина данных пробелов в содержании судебныхников и других правовых памятников Московского государства часто связывается в исторической литературе с неразвитостью русской юриспруденции. Историк Ф. В. Тарановский считал, что «такое объяснение нельзя признать ни достаточным, ни по существу правильным. Старые законодательные и юридические сборники никогда не задавались целью схватить и исчерпать все вопросы жизни, требующие правовой регламентации, и останавливались только на тех из них, которые в условиях времени и места почему-либо тре-

¹ Юшков С. В. Судебник 1497 г. С. 382.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права. Вып. 2. Ярославль, 1873. С. 67–97.

³ В некоторых списках Судебника 1550 г. дано деление текста на 99 статей.

бовали нарочитого вмешательства закона или вообще писаного права; все же прочие отношения продолжали при этом регулироваться иными юридическими нормами, действовавшими наряду с законом; регулировались они неписаным правом, в море которого всякого рода правовые записи и законодательные акты являлись не более как отдельными разрозненными островами или даже островками»¹.

Оценивая Судебник 1497 года, Н. Л. Дювернуа признавал, что он содержит настолько мало норм частного права, что если бы мы стали сравнивать «только количественно его положения с положениями Русской Правды, то оказалось бы, что после трех веков восточная Россия сделала очень заметный шаг назад». На это обращал внимание также историк М. А. Дьяконов, писавший, что названный юридический сборник «очень краток и беден содержанием даже по сравнению с Р. Правдой, не говоря уже о Псковской судной грамоте»². Данная особенность правовых памятников Московской Руси вполне объяснима. На практике отсутствие в судебныхниках целого ряда правовых институтов и норм восполнялось частными документами, оформлявшими те или иные сделки. В этих документах правоотношения сторон определялись в таких подробностях, что какой-либо общий закон оказывался здесь излишним. В качестве примера указанной ситуации Н. Л. Дювернуа приводил практику оформления завещаний и договоров залога или залога, отмечая, что «частный человек в своей духовной так многосторонне и полно описывает всю сферу своих имущественных отношений и так ясно определяет обязанности наследника, что эти частные акты в самом деле заменяют собой закон». «Прежде чем явится какое-либо законное постановление о закладном праве, мы видим, что в частных сделках понятие залога или залога давным-давно уже существует и всякий раз точнейшим образом фиксируется»³.

С другой стороны, следует отметить, что судебники были предназначены, главным образом, для регулирования наиболее важных сторон государственного управления и отправления правосудия. В заголовке, предпосланном основному тексту Судебника

¹ *Тарановский Ф. В.* Предмет и задача т. н. внешней истории права // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 1. Белград, 1930. С. 81.

² *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 211.

³ *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 218.

1497 года, объявлялось: «ЛЕТА 7006-ГО МЕСЯЦА СЕПТЕМВРИА УЛОЖИЛ КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕЯ РУСИ С ДЕТМИ СВОИМИ И С БОЯРЫ О СУДЕ, КАК СУДИТИ БОЯРОМ И ОКОЛНИЧИМ»¹. Заголовок же Судебника 1550 года был следующим: «ЛЕТА 7000 ПЯТДЕСЯТ ОСМАГО ИЮНЯ... ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕА РУСИИ С СВОЕЮ БРАТЬЕЮ И З БОЯРЫ СЕСЬ СУДЕБНИК УЛОЖЫЛ: КАК СУДИТИ БОЯРОМ, И ОКОЛНИЧИМ, И ДВОРЕЦКИМ, И КАЗНАЧЕЕМ, И ДЬЯКОМ, И ВСЯКИМ ПРИКАЗНЫМ ЛЮДЕМ, И ПО ГОРОДОМ НАМЕСТНИКОМ, И ПО ВОЛОСТЕМ ВОЛОСТЕЛЕМ, И ТИУНОМ И ВСЯКИМ СУДЬЯМ»². Соответственно названному предназначению судебныхников и строилось их содержание. В нем находили свое место преимущественно такие нормы и делались такие поправки, которые способствовали усилению роли центральной государственной власти в общественной жизни.

Так, при составлении ст. 55 Судебника 1497 года, где регламентировался порядок ответственности купца в случае утраты данных ему в кредит товаров, за основу была взята ст. 54 Русской Правды Пространной редакции, содержание которой подверглось существенной переработке. Смысл внесенных при этом поправок проступает вполне отчетливо при одном только сравнении указанных статей.

Статья 54 Русской Правды: «Аже которыи купець, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возьмет, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платитъ, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортитъ, то тако любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля»³.

Статья 55 Судебника 1497 года: «А которой купець, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеря-

¹ Судебник 1497 года. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54.

² Судебник 1550 года. Текст // Там же. С. 97.

³ Суд Ярославль Володимирич Правда Русьская. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1985. С. 68.

ется товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напразднства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу»¹.

Сравнение приведенных статей показывает, что в то время как по Русской Правде просто устанавливалась обязанность купца платить, то Судебником 1497 года было введено правило о расследовании случая утраты товара представителем государственной власти. Примечательно и то, что содержание нормы изложено в Судебнике в более императивной и категоричной форме, чем в Русской Правде. Видимо, полагая, что в новых условиях всякое религиозное обоснование излишне, составители Судебника исключили из заимствованной ими нормы Русской Правды слова «зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть».

Сопоставление текстов судебныхников между собою обнаруживает то же самое направление переработки правового материала, которое показывает сравнение приведенных статей Судебника 1497 года и Пространной редакции Русской Правды. Так, при формулировании ст. 9–10 Судебника 1550 года было воспроизведено содержание ст. 4–5 Судебника 1497 года, но при этом было определено наказание за правонарушение, которое ранее не устанавливалось. При составлении ст. 35 Судебника 1550 года было заимствовано содержание ст. 17 Судебника 1497 года с одним добавлением, согласно которому правомочие выносить судебное решение по делам о холопах и выдавать холопам отпускные грамоты предоставлялось, помимо боярина, также служащим государственного аппарата: дворецким и казначеям.

Тексты судебныхников 1497 и 1550 годов не показывают четкой системы расположения правового материала². Применительно к этим юридическим сборникам можно говорить лишь о группировке норм, касающихся одного и того же предмета. Так, в содержа-

¹ Судебник 1497 года. Текст. С. 61.

² «Что касается системы судебныхников, — отмечал С. В. Пахман, — то в целом трудно уловить какую-либо определенную систему: статьи, относящиеся к одному предмету, разбросаны по разным местам, что в особенности относится к первому судебнику» (Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 203).

нии Судебника 1497 года можно выделить четыре группы норм: 1) статьи с 1-й по 36-ю, посвященные центральному суду — боярскому и княжескому; 2) статьи с 37-й по 45-ю, регулирующие деятельность местного суда; 3) статьи с 46-й по 66-ю, содержащие нормы материального права; 4) статьи 67 и 68, добавленные к тексту Судебника уже после составления его основного проекта.

Группировка норм, относящихся к одному и тому же предмету регулирования, была осуществлена и при составлении Судебника 1550 года. При этом сводились в единый комплекс и включавшиеся в него нормы Судебника 1497 года, которые ранее не группировались. Так были, например, сгруппированы ст. 39 и 9 Судебника 1497 года. Они составили соответственно ст. 60–61 Судебника 1550 года. Одновременно была осуществлена определенная редакционная переработка данных статей.

Судебники не показывают даже простейшей группировки правовых норм по отраслям. Можно говорить лишь о некоторых попытках обособить уголовно-правовое содержание от гражданско-правового. Так, при формулировании ст. 87 Судебника 1550 года была воспроизведена без каких-либо существенных изменений ст. 62 Судебника 1497 года. При этом, однако, из ее текста была исключена фраза «и за рану присудят, посмотря по человеку и по ране и по рассуждению».

Самым распространенным способом расположения норм в тех или иных юридических сборниках Московского государства была организация его по хронологическому принципу, то есть по времени издания правовых норм. Данный принцип прямо провозглашался в ст. 98 Судебника 1550 года, в которой говорилось: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»¹.

Дополнительные статьи к Судебнику 1550 года сохранились в многочисленных его списках, составлявшихся во второй половине XVI века. Они касались самых различных предметов правового регулирования: долговых обязательств, наследования имущества, местничества при замещении должностей в государственном управлении, отдельных видов уголовных преступлений и т. д. Боль-

---

¹ Судебник 1550 года. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 120.

шая часть дополнительных статей была посвящена, однако, судебному процессу. По мнению С. В. Пахмана, «поводом к постановлению новых статей, сообразно естественному ходу развития законодательства, служили обыкновенно возникавшие в судебной практике новые дела и случаи, которые не могли быть решены на основании действовавших узаконений»¹. В таких ситуациях царю обыкновенно посылался запрос о том, каким нормам следовать при рассмотрении подобного дела. В ответ на этот запрос издавался указ, который в соответствии со ст. 98 Судебника 1550 года приписывался к его тексту. Указ мог быть издан в устной форме (чаще всего именно так и бывало): в этом случае дьяки приказа, которого данный устный указ касался, сами придавали ему письменную форму, изложив его содержание на бумаге в общепринятых для указов выражениях.

Если указ имел общенормативный характер, то его текст рассылался по всем приказам. Если же он регулировал более конкретное дело, то его передавали только в тот приказ, в ведении которого такого рода дела находились. Для записи дополнительных указов в приказах заводились специальные указные или уставные книги. Так, существовала Указная книга Поместного приказа, включавшая указы по поместным и вотчинным делам, принятые во второй половине XVI – первой половине XVII века², Указная книга Ямского приказа³, Уставная книга Разбойного приказа⁴ и др. Законодательный материал во всех указных книгах располагался в хронологическом порядке. В уставных же книгах отдельные указы группировались по предмету правового регулирования, но группы их излагались также в соответствии с хронологическим принципом.

Развитию русской юриспруденции в XV–XVII веках в огромной степени способствовало становление в рамках Московского государства системы письменного делопроизводства. Этот процесс нашел отражение в правовых памятниках. Первым свидетельством существования письменного делопроизводства в исторической литературе считается ст. 10 Двинской уставной грамоты 1397–1398 годов, в которой устанавливался размер пошлин, взи-

¹ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. С. 207.

² См.: Памятники русского права. Вып. 5. М., 1956. С. 431–483.

³ См.: там же. С. 539–547.

⁴ См.: Уставная книга Разбойного приказа 1555–1556 // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 356–370.

мавшихся в пользу наместника за скрепление грамоты печатью и дьяка за написание судебного документа. «А от печати наместником по три белки, — говорилось в названной статье; — а дьяком от писма от судные грамоты две белки»¹. В тексте Судебника 1497 года термин «грамота» встречается уже многократно. Так, в ст. 15 и 40 упоминается просто правая грамота с печатью, в ст. 17 — холопья правая грамота, ст. 18 и 42 посвящены правой «отпустной грамоте», ст. 25 — правой «безсудной грамоте»², ст. 66 — «полной грамоте». В ст. 16 речь идет о другой разновидности документа — «докладном списке» («А докладной список боярину печати своею печатью, а диаку подписывати. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а диаку от подписи с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет, с рубля по две денги»³. Статья 24 называет «докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя печатнику»⁴.

Судебник 1550 года отразил в своем тексте более развитую степень письменного делопроизводства. Здесь шла речь не только о правых грамотах различного рода и докладных списках, но специально устанавливался порядок записи и хранения судебных документов. Описанию данного порядка была посвящена ст. 28 Судебника, гласившая: «А которое будет дело судит царь и великий князь, или дети царя и великого князя или бояре, и которой суд не кончается, оставят его в обговоре, и дьяку исковы и ответчиковы речи велети записати перед собою; или о чем ся пошлют на послешество, и дьяку⁵ велети то записывати перед собою ж; да те ему дела держати у себя за своею печатью, доколе дело кончается. А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати, и дьяком к тем жалобницам и к делом по ставом руки прикладывати. А как подьячей с черна начисто перепишет дело, и дьяку

---

¹ Двинская уставная грамота. Текст // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 182.

² Определение правой «безсудной» грамоты дано в ст. 9 Двинской уставной грамоты, в которой говорится: «А кто на кого челом бьет, дворяне и подвоиские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместници дадут грамоту правую бессудную» (Двинская уставная грамота. Текст. С. 182).

³ Судебник 1497 года. Текст // Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Так в оригинальном тексте: в одном месте слово «дьяк» пишется через «я», в другом — через «а».

те все дела справити самому, да к тем делом дьяку руку свою приложить; а держать те дела дьяку у себя за своею печатью. А подъячему у себя дел некоторых не дръжатит; а вымут у подъячего список или дело за дьячею печатью, а руки дьячей у того списка или дела не будет или у жалобницы, и тот список и пошлины и езд взятии на дьяке, а подъячего казнити торговою казнью да выкинути ис подъячих, и ни у кого ему в подъячих не бытии»¹.

О значительном возрастании к середине XVI века в Московском государстве роли письменного делопроизводства при ведении судебного процесса свидетельствует и ст. 29 Судебника 1550 года. В ней предписывается: «А которые дела судят бояре, и тот суд велети записывати перед собою; а исцом у записки не стояти; а будет надобе на которое дело истца или отвещика спросити, ино его к собе позвати да, спросив его, от записки отослати. А как дело их дьяк запишет, и того дела перед истцы не чести, а прочести его бояром»².

Статья 4 Судебника 1550 года устанавливает наказание в виде тюремного заключения тому дьяку, который «список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял»³.

В 1558 году Иван IV «приказал бояром своим словом», чтобы они присылали в Москву не свидетелей по тем или иным судебным делам, а записи свидетельских показаний. Какие списки губные старосты пришлют «за своими руками и за печатми, и за обыскных людей руками, — указал царь, — и по тем спискам и управа чинити, как в тех списках будет написано»⁴. Отсюда следует, что письменное делопроизводство велось в то время и далеко за пределами стольного града Москвы.

Развитие письменного делопроизводства неизбежно вело к появлению устойчивых канцелярских выражений, штампов, терминов. В рамках московских приказов в течение XV–XVI веков формировался особый, деловой — «приказной» русский язык. Он отличался от языка летописей и повествовательных произведе-

¹ Судебник 1550 года. Текст. С. 101–102.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 97.

⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 50–51.

ний, «во-первых, крайне ограниченным использованием славянизмов; во-вторых, специфическими терминами, устойчивыми сочетаниями слов и синтаксическими явлениями; в-третьих, почти полным отсутствием каких-либо приемов литературной отделки»¹.

Отличие языка судебных документов, составлявшихся дьяками, от русского литературного (церковно-славянского) языка хорошо сознавал в свое время Андрей Курбский (1528–1583)², писавший в предисловии к книге «Новый Маргарит» о том, что беспрестанное чтение им с юных лет судебных документов не позволило ему приобрести необходимые навыки писания сочинений на книжном языке («Аз... бояхся, иж от младости не до конца навыков книжнаго словенскаго языка, понеж беспрестанне обращахся и лѣта изнурах, за повелѣніем царевым, в чину стратилацком, потом в синглицком, исправлях дѣла овогда судебные, овогда совѣтническіе, многождо же и частократ с воинством ополчахся против врагов креста Христова»³). Обособлению «приказного» языка от церковно-славянского способствовало и господствовавшее в русском образованном обществе убеждение о неприемлемости использования церковно-славянского языка для написания деловых документов. Выражая данное убеждение, Киевский митрополит Петр Могила (1596–1647), заявлял: «Неправильно и непристойно было бы, если бы кто... в Сенате или в Посольской избе говорил погречески или по-церковнославянски...»⁴.

Тексты судебныхников 1497 и 1550 годов были написаны именно московским «приказным» языком. На его основе и сформировался новый юридический понятийный и терминологический аппарат, составивший одну из главных отличительных черт юриспруденции Московского государства.

Основу знаковой системы русской юриспруденции XV–XVI веков составил понятийный и терминологический аппарат правовых памятников предшествовавших эпох, среди которых особое значение имела в этом смысле Русская Правда. Как известно, текст

¹ См.: *Улукханов И. С.* О языке Древней Руси. М., 2002. С. 143.

² О литературной деятельности Андрея Курбского см.: *Томсинов В. А.* История русской политической и правовой мысли. М., 2003. С. 115–124.

³ Чтения общества истории и древностей Российских. 1888. К. 1. С. 13 (приложение).

⁴ Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском военном генерал-губернаторе. Киев, 1894. Ч. 1. Т. 9. С. 374–376.

этого правового сборника был написан русским письменным языком, созданным на базе бытового русского языка, на котором говорили в городах Древней Руси¹. Указанный язык отличался от церковно-славянского языка, на котором были изложены воспринятые древнерусским духовенством византийские юридические тексты.

В исследованиях филологов по истории русского литературного языка, в которых затрагиваются проблемы формирования древнерусской юридической терминологии, часто выражается мнение о том, что существование в древнерусском обществе двух письменных языков — диглоссии — приводило к тому, что понятийный и терминологический аппарат древнерусской юриспруденции формировался одновременно по двум руслам: одно из них представляли собой тексты, написанные на русском языке, другое — церковно-славянские тексты. В результате возникло два параллельных один другому ряда юридических терминов. Так, В. М. Живов отмечает в своей работе, посвященной древнерусской юридической терминологии, что «в этой области церковно-славянские и русские лексемы последовательно противопоставлены, образуя целый набор коррелянтных пар — русские термины не встречаются в церковно-славянских юридических текстах, церковно-славянские термины не характерны для древнейших русских юридических памятников»². Подобной точки зрения придерживается и филолог Б. А. Успенский. Соглашаясь с Живовым, он пишет: «Действительно, русские термины, вообще говоря, могут употребляться в церковно-славянских текстах, но они, как правило, не наблюдаются в корпусе церковно-славянских юридических памятников, переведенных с греческого. Равным образом церковно-славянские термины могут встретиться в русских текстах, но они нехарактерны — особенно на начальном этапе — для русских юридических кодексов. Это ограничение относится не к языку, а к определенной разновидности текстов»³.

Задолго до В. М. Живова и Б. А. Успенского приведенную мысль высказал русский лингвист, проживавший в эмиграции,

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.). Статья третья // Законодательство. 2003. № 9. С. 88–89.

² *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 657.

³ *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 106.

Б. О. Унбегаун¹. В качестве примера раздвоения древнерусской юридической терминологии им приводились, в частности, термины «правда» и «закон». При этом Унбегаун констатировал, что в юридических текстах, написанных на русском языке, для обозначения понятия права или совокупности правовых норм использовался первый из них, в текстах на церковнославянском языке — второй². Проявлением такого же раздвоения в древнерусской юридической терминологии Унбегаун считал использовавшееся в текстах, написанных на русском языке, слово «обида», а в церковнославянских произведениях — термин «проказа»³.

Факт существования в рамках древнерусской правовой культуры двух систем юридической терминологии является очевидным. Однако вряд ли правильно делать отсюда вывод о том, что «церковно-славянские и русские лексемы последовательно противопоставлены, образуя целый набор коррелянтных пар», и что «русские термины не встречаются в церковно-славянских юридических текстах», а «церковно-славянские термины не характерны для древнейших русских юридических памятников». О противопоставлении церковно-славянских терминов и терминов русского языка вполне можно было бы говорить, если бы данные термины образовывали «коррелянтные пары», то есть обозначали одно и то же юридическое понятие. Но в действительности этого не было и не могло быть.

Терминология церковно-славянского языка создавалась главным образом для обозначения понятий, выражающих различные аспекты религиозно-нравственной жизни человека и общества. Немецкий путешественник и лингвист Генрих Вильгельм Лудольф, пребывавший в России в 1692–1694 годах, опубликовал в 1696 году в Англии «Русскую грамматику». Он отмечал в этой книге, что «названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку»⁴. Содержание произведений церковно-славян-

¹ См.: *Unbegan B. Russe et slavon dans la terminologie juridique // Revue des etudes slaves. 1957. V. 34. P. 129–135; Unbegan B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969. P. 176–184.*

² *Unbegan B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. P. 180.*

³ См.: *Unbegan B. «Le crime» et «le criminal» dans la terminologie juridique russe // Revue des etudes slaves. 1959. V. 36. P. 47–58.*

⁴ *Лудольф Г. В. Русская грамматика / Перевод, вступительная статья и комментарий Б. А. Ларина. Л., 1937. С. 114.*

ской литературы показывает, что для восполнения подобных пробелов применялись, как правило, обиходные слова народного русского языка. Что же касается юридической терминологии текстов, изложенных на русском языке, — таких как, например, текст Русской Правды, — то в них большинство терминов, приспособленных для обозначения юридических понятий, возникло именно в рамках языка, на котором разговаривало в повседневной своей жизни население Древней Руси. Если же в народном русском языке отсутствовали подходящие для выражения каких-либо юридических понятий слова, то в этих случаях использовались отдельные термины церковно-славянских текстов.

Различия в происхождении и в предназначении между использовавшимися для выражения юридических понятий терминами церковно-славянского языка, с одной стороны, и терминами русского языка, с другой, неизбежно влекли за собой существенные расхождения и в их значениях.

Характер этих расхождений хорошо виден на примере двух вышеуказанных пар терминов, а именно: слов «правда» и «закон», «обида» и «проказа».

Тексты письменных памятников Древней Руси и Московского государства показывают, что термин «правда» используется в них для обозначения совокупности правовых норм, договора, присяги, обещания, честности, справедливости, истины¹. Термин же «закон» употребляется в значениях совокупности правовых норм, религиозного завета, религиозной веры и ее правил². Как видим, значения терминов «правда» и «закон» сходятся только в одном пункте, а именно: тогда, когда эти термины используются в смысле совокупности правовых норм. Однако данное сходство лишь внешнее.

Рассмотрение конкретных случаев применения названных терминов в указанном смысле позволяет сделать вывод о том, что словом «правда» обозначались на Руси правовые нормы, установленные великокняжеской властью. Согласно Новгородской первой летописи младшего извода, правда — это то, что великий князь

---

¹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стлб. 1355–1359.

² См.: там же. СПб., 1893. Т. 1. Стлб. 921–923.

Ярослав дал новгородцам¹, или то, что приняли Изяслав, Всеволод, Святослав и другие князья².

Термин «закон», употребленный в смысле совокупности правовых норм, впервые встречается на Руси в тексте русско-греческого договора 911 года, который приводится в Ипатьевской летописи. В заключительной части этого договора говорится о том, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по покону» своего народа³. Очевидно, что под термином «закон русский» здесь подразумеваются правовые нормы, сложившиеся в народном быту и являющиеся частью народной традиции, то есть нормы действовавшего в русском обществе устного обычного права⁴.

Сопоставление между собой терминов «обида» и «проказа» также показывает значительную степень различия их значений.

«Обидой» в древнерусских текстах называется оскорбление, а также действия, причинившие смерть или материальный ущерб. Иногда данным термином обозначается вражда или ущерб, причиненный войной⁵.

В отличие от термина «обида», слово «проказа» применяется в памятниках древнерусской письменности для обозначения не совершенного преступного действия или его последствия, а замышляемого в голове злодеяния⁶. Любопытно, что церковно-сла-

¹ «...А Ярославъ идее къ Киеву, съде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вой свои дѣлѣть, старостаѣ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородомъ по 10 гривень всѣм, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давь имъ правду, и уставъ списавъ...» (Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 175).

² «**Правда уставлена** Руской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ...» (там же. С. 177).

³ «Мы же кляхомся къ царю вашему, иже от Бога суще, яко Божие здание, по **закону** и по покону языка нашего, не переступити нам ни иному от страны нашея от оуоставленных главъ мира и любви» (Полное собрание русских летописей. Т. II. Летопись по Ипатьевскому списку. М., 1998. Стлб. 28). В Лаврентьевской летописи записан несколько иной вариант этой фразы: «Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога соуща, яко Бжъа здание, по **закону** и по **закону** языка нашего, не престопити нам ни и ому от страны нашея от оуоставленных главъ мира и любви» (Полное собрание русских летописей. Т. I. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. М., 1997. Стлб. 37).

⁴ См. об этом подробнее: *Томсинов В. А.* Юриспруденция Древней Руси (XI–XIII вв.). Статья первая // Законодательство. 2003. № 7. С. 85–89.

⁵ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Стлб. 502–504.

⁶ См.: там же. Стлб. 1534.

вянский термин «проказа» встречается так же, как и термин «закон», в текстах русско-греческих договоров 911 и 944 годов, написанных, по признанию филологов, на таком же языке, на котором изложены различные варианты текста Русской Правды¹. Данный факт показывает, что две системы юридической терминологии — церковно-славянская и терминология делового русского языка — с самого начала существовали не в обособленности одна от другой, а в тесном взаимодействии. Церковно-славянские термины стали утверждаться в сфере русского делового языка уже в X веке. Постепенное их проникновение в систему светской юридической терминологии продолжалось на протяжении всей эпохи Древней Руси.

Однако по-настоящему широким применение церковно-славянских терминов для выражения юридических понятий в текстах, написанных на русском деловом языке, стало только в эпоху Московского государства. Эволюция социально-экономических отношений, создание Русского централизованного государства, усиление роли центральной государственной власти в области правосудия, развитие системы письменного делопроизводства — все это требовало обновления и расширения системы светской юридической терминологии. Использование церковно-славянских терминов оказывалось в этих условиях наиболее эффективным способом решения данной задачи. Во-первых, за прошедшие столетия в русский деловой язык перешло много церковно-славянских слов — так что накопился большой опыт применения терминов одной языковой системы в рамках другой. Во-вторых, церковно-славянские термины, как правило, не имели синонимов в русском деловом языке и поэтому при своем внедрении в его лексику не испытывали никакой конкуренции. В-третьих, указанные термины, как правило, не были новыми для людей, составлявших светские юридические сборники и применявших на практике их нормы. В-четвертых, термины церковно-славянского языка несли в себе определенное религиозное содержание, а потому более эффективно могли воздействовать на сознание людей. В-пятых, по сравнению с русским деловым языком церковно-славянский язык имел в своем составе

---

¹ По словам Б. А. Ларина, указанные договоры «надо рассматривать как документы, отражающие состояние русского языка в X в., конечно, не в его полном объеме, а в одном только типе языка юридического, дипломатического, правового, или, как шире стали его называть, языка делового» (*Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.)*. М., 1975. С. 44).

значительно большее количество абстрактных, а значит, и более пригодных для выражения юридических понятий терминов.

Таким образом, слова церковно-славянского языка, внедренные в аппарат светской юридической терминологии, не только количественно расширяли объем данного аппарата, но и придавали ему качественно иные свойства. В ряде случаев они заменяли собой прежде употреблявшиеся для обозначения юридических понятий исконно русские слова.

Так, произошло, например, с термином «видок», обозначающим очевидца преступления. Данный термин использовался в Русской Правде (в ст. 2 Краткой редакции текста по Академическому списку¹ и ст. 29 Пространной редакции²). Наряду с ним здесь употреблялся и термин «послух». Он встречается уже в ст. 30 Краткой редакции Русской Правды («Аще же приидеть кровав мужь любо синь, то не искати ему **послуха**»³), но эта статья скорее всего является более поздней вставкой.

О «послухе» говорилось в целом ряде статей Псковской судной грамоты⁴. Вместе с тем в ст. 56 данного правового сборника упоминались «свидетели»⁵. Данный термин нашел свое применение и в судебныхниках. Статья 47 Судебника 1497 года гласила: «А кто купит на чужей земли что, а поймаются у него, и толко у него **свидетелей** два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целования ему нет; а не будет у него **свидетелей**, ино ему правда дати»⁶. О «свидетелях» шла речь и в ст. 95 Судебника 1550 года: «А в служебном походе, кто у кого купил лошадь, и кто у него за ту лошадь поимается, и тот, кто купил, поставит свидетелей человек

¹ «Или будет кровав или синь надъражен, то не искати ему **видока** человеку тому...» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 47).

² «Аже придет кровав муж на двор или синь, то **видока** ему не искати, но платити ему продаю...» (там же. С. 65).

³ Там же. С. 48.

⁴ См., например: ст. 22 («А на которого **послуха** истец послется, и **послух** не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот **послух** не в **послух**, а тот не доискался»), а также ст. 20, 21, 23, 24 (там же. С. 333).

⁵ «...А не будет у коего **свидетелей**, ино ему правда дати, а то(т) не доискался» (там же. С. 337).

⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 60.

пять или шесть на того, у кого купил, а запрется тот, у кого он купил, ино им суд»¹. Употребляя термин «свидетели», судебники не отказывались от применения термина «послух». О послухе говорилось, в частности, в ст. 48 Судебника 1497 года, которая следовала за статьей, посвященной свидетелям. Статья 67 названного правового памятника, предписывающая, чтобы послухам, «не виед, не послушествовати», проливает свет на смысл, вкладывавшийся в термин «послух». Под ним подразумевался очевидец правонарушения.

Термин «свѣдѣтель» являлся по своему происхождению термином церковно-славянского языка. Приведенные примеры показывают, что, во-первых, в аппарат светской юридической терминологии он вводился постепенно, а, во-вторых, будучи введенным в него, получил в его рамках значение, которого не имело ни одно слово русского делового языка. Термином «свидетель», как явствует из содержания ст. 47 Судебника 1497 года и ст. 95 Судебника 1550 года, стало обозначаться лицо, призванное удостоверить сделку купли-продажи. Такое же значение придавала свидетелям Псковская судная грамота. Сам факт появления фигуры «свидетеля» на страницах названных правовых памятников служит явным свидетельством произошедшего в их времена усложнения юридического быта русского общества. Вместе с тем — это самый яркий, пожалуй, пример благотворного влияния церковно-славянской терминологии на развитие в России светской системы юридических понятий и терминов.

Помимо этого можно привести множество других примеров внедрения церковно-славянской лексики в состав делового русского языка. Так, в Русской Правде понятие движимого и недвижимого имущества обозначалось термином «дом». «Аже кто умирая разделить **дом** свои детем...»² — говорилось в ст. 92 Русской Правды Пространной редакции. В некоторых правовых памятниках имущество могло обозначаться и как «живот». Указанным терминам народного русского языка соответствовали церковно-славянские термины «имение» или «стяжание». Утверждение данных

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 119.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 70.

терминов в документах, написанных на деловом русском языке, также происходило в эпоху Московского государства.

Развивавшаяся в указанную эпоху светская система юридических понятий и терминов расширялась и обогащалась не только за счет лексики церковно-славянского языка, но и благодаря многочисленным заимствованиям из словаря западнорусского языка. Одно из таких заимствований составлял термин «статькъ». Данный термин встречается в ст. 8, 10, 11, 13, 39, 60 Судебника 1497 года, присутствует он и в Судебнике 1550 года (ст. 52, 92). Смысл термина «статькъ» раскрывается в том контексте, в котором он употребляется. Так, в ст. 10 Судебника 1497 года говорится: «А не будет у того татя статка, чем исцево заплатити, ино его бив кнутимь, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем»¹. Статья 92 Судебника 1550 года гласит: «А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ин остаток весь и земли взятии дочери; а не будет у него дочери, ино взятии ближнему от его роду»². Из этих примеров очевидно, что рассматриваемый термин обозначал имущество или наследство³.

Первое упоминание термина «статькъ» в русских деловых документах датируется 1449 годом. В указанном году был заключен договор между Московским государством и Литвой. В тексте, изложенном на русском языке, содержалась следующая фраза: «А которые люди выведены отколе невольню, <...> ино ихъ отпустити добровольно зъ ихъ **статьки** к ихъ местомъ»⁴. По словам венгерского специалиста по истории западнорусского языка А. Золтана, «для великорусского делового языка середины XV в. слово *статок* является новым словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 55.

² Там же. С. 119.

³ См. о термине «статькъ» также: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стлб. 509.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовил к печати Л. В. Черепнин; Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.–Л., 1950. С. 15.

субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего существования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба»¹.

Период, охватывающий XIV–XVI века, стал для русской юриспруденции временем формирования новой знаковой системы. Данная система вбирала в себя юридический понятийный и терминологический аппарат предшествовавших эпох, она обогащалась лексикой, сложившейся в рамках церковно-славянского языка, впитывала в себя юридические термины западнорусского языка. Тем самым создавались важнейшие предпосылки для дальнейшего развития русской юриспруденции.

---

¹ *Золтан А.* Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 787.